

УДК 159.922

DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-9

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ КИБЕРБУЛЛИНГА И КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. А. Скорынин¹, А. А. Вихман¹

*¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Овладение современными информационными технологиями является сегодня неотъемлемой частью развития детей и подростков. Вместе с тем этот процесс связан с определенными рисками, к которым можно отнести в том числе столкновение подростков с проявлениями агрессии в сети Интернет и развитие компьютерной зависимости (интернет-зависимости). В статье раскрываются вопросы взаимосвязи указанных рисков с особенностями когнитивного развития подростков.

Материалы и методы. Проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение связи когнитивных особенностей подростков с показателями интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности. Выборка составила 105 человек (подростки в возрасте 13-17 лет). Использованные методики: тест структуры интеллекта IST Р. Амтхауэра, методика «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена, шкала интернет-зависимости CIAS, тест эмоционального интеллекта EQ Н. Холла, а также русскоязычный аналог анкеты С. Хиндуджа и Д. Патчина «Cyberbullying and Online Aggression Survey».

Результаты исследования. Выявлены отрицательные корреляции между показателями проблемного использования Интернета (компьютерная зависимость, кибервиктимность и киберагрессия) и характеристиками когнитивной сферы. Наблюдаются различия в выраженности ключевых симптомов интернет-зависимости у подростков с различным уровнем интеллекта. Показатели эмоционального интеллекта отрицательно коррелируют практически со всеми показателями компьютерной зависимости, киберагрессии и кибервиктимности.

Обсуждение и заключения. Результаты исследования свидетельствуют, что сниженные показатели общего и эмоционального интеллекта создают основу для формирования интернет-аддикции и повышают уязвимость подростков к проявлениям кибербуллинга.

Ключевые слова: подростковый возраст, проблемное использование Интернета, интернет-зависимость, кибербуллинг, киберагрессия, кибервиктимность, эмоциональный интеллект.

Для цитирования: Скорынин А.А., Вихман А.А. Интеллектуальные предикторы кибербуллинга и компьютерной зависимости в подростковом возрасте // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, №3. С. 9.

COGNITIVE BASIS OF CYBERBULLYING AND COMPUTER ADDICTION IN ADOLESCENCE

A. A. Skorynin¹, A. A. Vikhman¹

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. Modern information technologies are now very important part of the development of children and adolescents. The process of child socialization is associated with the risks of colliding with manifestations of aggression on the Internet and the development of computer addiction. The article reveals the issues of the relationship of these risks with the characteristics of the cognitive development of adolescents.

Materials and Methods. The empirical study was conducted to study the relationship between the cognitive characteristics of adolescents and indicators of Internet addiction, cyber aggression and cyber victimization. The sample included 105 teenagers aged 13-17. The following methods were used: "Intelligence Structure Test" (IST) by R. Amthauer, the Raven's Advanced Progressive Matrices Test, Chen Internet Addiction Scale (CIAS), the Hall's Emotional Quotient Test, Russian-language analogue of the questionnaire "Cyberbullying and Online Aggression Survey" (J.W.Patchin, S.Hinduja).

Results. The study revealed negative correlations between indicators of problematic Internet use and characteristics of the cognitive sphere. There are differences in the severity of key symptoms of Internet addiction in adolescents with different levels of intelligence. Indicators of emotional intelligence are negatively correlated with almost all indicators of computer addiction, cyberaggression and cybervictimism.

Discussion and Conclusions. The results of the study indicate that reduced indicators of general and emotional intelligence create the basis for the formation of Internet addiction and increase the vulnerability of adolescents to manifestations of cyberbullying.

Keywords: adolescents, problematic using of Internet, Internet addiction, cyberbullying, cyberaggression, cybervictimism, emotional intelligence.

For citation: Skorynin A.A., Vikhman A.A. Cognitive basis of cyberbullying and computer addiction in adolescence // Vestnik of Minin University. 2022. Vol. 10, no. 3. P. 9.

Введение

В настоящее время информационные технологии являются неотъемлемой частью нашей жизни и оказывают значительное влияние на психическое развитие человека в когнитивном, эмоциональном и личностном аспекте. По данным исследования Фонда развития Интернета, число детей, которые проводят в Сети более 4-5 часов в день, увеличилось за 5 лет более чем в два раза по сравнению с 2013 годом [20]. Возраст, в котором дети начинают знакомиться с информационными технологиями и активно ими овладевать, также существенно снижается. Конечно, наиболее активными пользователями остаются подростки, но результаты исследований показывают, что значительное число детей успешно осваивают современные «гаджеты» уже в дошкольном возрасте.

В целом можно говорить, что современный ребенок живет и развивается в двух мирах: реальном и виртуальном. При этом мир виртуальный для детей зачастую становится более значимым и влиятельным, чем мир реального общения и взаимодействия с людьми. Как отмечает Г.У. Солдатова [22], современные дети и подростки рассматривают Интернет не как технологию или инструмент для достижения определенных целей, а как полноценную «среду обитания». Таким образом, социальная ситуация развития ребенка сегодня совершенно иная, нежели 20-30 лет назад, не говоря уже о более ранних исторических периодах. По словам Л.С. Выготского, не может быть ничего «вечно детского», но есть «исторически детское», т.е. каждая историческая эпоха накладывает отпечаток на особенности психического развития и социализации ребенка [9]. Соответственно, в наши дни нельзя изучать особенности развития и социализации детей без учета влияния информационных технологий.

Современные технологии не просто дополняют и расширяют жизнь ребенка, но и оказывают влияние на всю структуру его поведения и деятельности. Более того, сегодня они выступают одним из важнейших агентов социализации, который уже начинает конкурировать с семьей и школой. Освоение IT-технологий и их использование в повседневной практике, безусловно, расширяет возможности человека и в немалой степени способствует формированию его личности. Однако этот процесс связан с определенными проблемами и рисками. По мнению Г.У. Солдатовой и Е.Л. Львовой [20], к подобным рискам можно отнести:

- 1) контентные риски – обусловлены содержанием ресурсов Интернета, к которым может получить доступ ребенок (материалы, содержащие противозаконную, неэтичную и вредоносную информацию);
- 2) коммуникационные риски – связаны с межличностными отношениями пользователей Сети и включают в себя незаконные контакты, киберпреследования, кибербуллинг и др.;
- 3) потребительские риски – к ним относятся, прежде всего, риски приобретения товара низкого качества, подделок, контрафактной и фальсифицированной продукции, а также риск похищения денежных средств злоумышленниками;
- 4) технические риски – вероятность повреждения программного обеспечения и информации, нарушения конфиденциальности, взлома аккаунта, хищения паролей и персональной информации злоумышленниками;
- 5) психологические риски – угрозы формирования интернет-зависимости как непреодолимой тяги к чрезмерному использованию Интернета (что чаще всего проявляется в подростковой среде в форме увлечения видеоиграми, навязчивой потребности к общению в чатах и т.д.).

Как показывает практика, столкновение с проявлениями киберагрессии в сети Интернет является наиболее распространенной причиной обращений подростков на Линию помощи «Дети Онлайн» [23]. Данный факт позволяет говорить о том, что столкновение с коммуникационными рисками – наиболее серьезная проблема для детей и подростков и, по сравнению с другими типами онлайн-рисков, чаще наносит ощутимый вред психологическому здоровью и благополучию детей.

Обзор литературы

Процесс и результат влияния IT-технологий на формирование личности ребенка стал объектом исследований в психологической науке относительно недавно. Предпосылкой исследований в данном направлении можно считать работы G. Johnson и P. Puplampu, в которых рассматривается расширение концепции экологических систем У. Бронфенбреннера [27] с выделением техносистемы, включающей в себя взаимодействие с окружающим миром, опосредованное электронными устройствами и программами. Как отмечает G. Johnson, влияние техносистемы (в частности, особенностей использования Интернета) на когнитивное развитие ребенка является значительно более существенным, чем, например, влияние социально-экономического статуса семьи [29]. Принимая во внимание описанные выше риски использования Интернета, можно отметить, что влияние, которое оказывает Интернет на процесс социализации ребенка, может быть как позитивным, так и негативным. При этом следует особо выделить явления кибербуллинга и компьютерной зависимости.

Чтобы раскрыть понятие «кибербуллинг», вошедшее в психологическую науку и практику относительно недавно, обратимся к исходному понятию «буллинг». В буквальном переводе с английского, слово «bully» означает «хулиган», «задира». В большинстве работ, посвященных данной проблеме, понятие «буллинг» трактуется как систематическое агрессивное преследование одного или нескольких человек со стороны других членов коллектива [3, 8, 15]. Подобное преследование может проявляться в любых формах – в виде физической агрессии, психологического воздействия (угрозы, оскорбления, игнорирования) или нанесения жертве материального ущерба – регулярные кражи вещей, вымогательство денег.

Буллинг как социально-психологический феномен нельзя назвать новым явлением. Описания проявлений буллинга в учебных заведениях, армейской среде можно найти во многих художественных произведениях, в том числе в русской литературе – например, «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, «Поединок» А.И. Куприна и др. Как отмечают А.А. Реан и М.Н. Новикова, в течение длительного времени буллинг воспринимался обществом как некое «неизбежное зло», через которое проходят практически все дети на определенном этапе своего развития [17]. Более того, буллинг в общественном сознании даже наделялся функцией «инициации»: пройдя через испытание травлей, человек якобы становится сильнее, взрослее, опытнее. Однако, по результатам научных исследований, которые были накоплены за более чем 40-летнюю историю изучения данного феномена, сегодня признается бесспорным, что буллинг – деструктивное явление, последствия которого часто бывают весьма тяжелыми как для жертв, так и для всех других его участников. К последствиям буллинга можно отнести развитие тревожных и депрессивных расстройств у детей и взрослых, нарушения социальной адаптации, суицидальное и агрессивное поведение, вплоть до вооруженных нападений на образовательные учреждения.

Ключевым вопросом в исследовании буллинга является выделение его специфических характеристик, отличающих его от других феноменов (в частности, от ситуативных межличностных конфликтов):

- в структуре межличностного взаимодействия отчетливо выделяются две позиции: агрессор (агрессоры) и жертва (жертвы);
- преследование жертвы со стороны агрессора осуществляется преднамеренно и систематически;

– в силу определенных обстоятельств и своих индивидуальных особенностей жертва не может адекватно противостоять агрессору [3].

С развитием информационных технологий формируется особый вид буллинга – кибербуллинг. Он определяется как «агрессия, которая носит повторяющийся характер и осуществляется одним или несколькими индивидами при помощи электронных устройств по отношению к жертве, которой трудно защитить себя» [25]. В рамках кибербуллинга агрессивное преследование осуществляется с использованием средств Интернет-коммуникации (электронная почта, социальные сети, мессенджеры). Способы кибербуллинга весьма разнообразны: отправка жертве оскорбительных сообщений, публичная рассылка личной компрометирующей информации (сплетни, ложь, секреты, унижительные фотографии), разрушение цифровой идентичности (взлом профиля жертвы в социальной сети), пересылка жертве вирусного программного обеспечения и др. [15]

Тем самым, можно говорить, что кибербуллинг – это, по сути, психологическая агрессия, опосредованная информационно-коммуникационными технологиями. В то же время у кибербуллинга, в отличие от других видов буллинга, есть свои особенности, которые усугубляют его деструктивное влияние [3]:

- возможность полной анонимности,
- феномен расторможения,
- дистантность,
- постоянство (независимо от времени суток),
- большое количество свидетелей.

Кибербуллинг предполагает размытые границы отношений между жертвой и агрессором, при этом жертва не может контролировать отношения и влиять на ситуацию развития агрессии, что зачастую вызывает у нее ощущение беспомощности [25]. Эти обстоятельства заставляют практических психологов учитывать специфику феноменологии кибербуллинга при составлении программ его профилактики.

Другой весьма актуальной проблемой, связанной с активным включением детей и подростков в цифровое пространство, является интернет-зависимость [7, 26]. У данного термина есть много синонимов. Для описания этого явления также используются понятия «киберзависимость», «проблемное использование Интернета», «патологическое использование Интернета» и «злоупотребление Интернетом». В наиболее общем смысле под проблемным использованием Интернета подразумеваются различные нарушения в использовании Сети. При наличии интернет-зависимости человек склонен уделять чрезмерное время активности в Интернете в ущерб другим занятиям, испытывает регулярное и навязчивое (компульсивное) желание выйти в онлайн, предпочитает онлайн-общение реальному, не способен контролировать время, проводимое в Интернете [11].

Как мы отмечали ранее, для современных детей и подростков глобальная сеть является еще одной «средой обитания». Действительно, современный человек проводит в Интернете достаточно много времени, в связи с чем возникает вопрос – где кончается «нормальная» интернет-активность и начинается «патологическая»? То есть ключевым на сегодня является вопрос о диагностических критериях интернет-зависимости.

Первое предложение по диагностическим критериям было представлено К. Янг. Были выделены следующие критерии:

- наличие чрезмерного интереса к интернету;
- режим использования от 40 до 80 часов в неделю;

- потребность в увеличении времени онлайн-активности для достижения желаемого удовлетворения;
- наличие раздражительности и/или депрессии;
- наличие эмоциональной лабильности при ограничении пользования интернетом;
- нахождение в Сети дольше запланированного;
- нарушения в работе и социальных отношениях из-за чрезмерного использования интернета;
- ложь о количестве времени, проведенного в Сети.

Как отмечается в исследованиях А.А. Бочавер и соавт., среди школьников, принявших участие в опросе PISA, в среднем 54% сообщили о том, что чувствуют себя плохо, когда не могут находиться в Интернете и общаться в режиме онлайн. В целом это более характерно для девочек, но в ряде стран (в том числе и в России) – напротив, для мальчиков [1]. В том же опросе PISA учащиеся, которые проводят более 6 часов онлайн ежедневно, находясь за пределами школы, классифицируются как «экстремальные Интернет-пользователи» («extreme users»). Такие дети сообщают о более низкой удовлетворенности жизнью, они чаще становятся жертвами травли, чувствуют себя более одинокими по сравнению с детьми, проводящими меньшее количество часов в Интернете, и, по всей видимости, чрезмерное использование ими Интернета является одним из симптомов их психологической уязвимости и потребности в помощи. Подростки, проводящие продолжительное время в Интернете, чаще сообщали о проблемах с психическим здоровьем по сравнению со сверстниками, проводившими больше времени за деятельностью «вне экранов»: непосредственное общение со сверстниками, занятия спортом, чтение книг [2].

Несмотря на то, что проблемы кибербуллинга и компьютерной зависимости разрабатываются достаточно длительное время в отечественной и зарубежной психологической науке, до настоящего времени остаются недостаточно раскрытыми многие важные моменты. В большинстве исследований акцент делается в основном на личностные факторы кибербуллинга и интернет-зависимости, однако имеется дефицит сведений о том, каковы когнитивные факторы, определяющие возникновение данных социально-психологических феноменов. Также остается неясным, с какими конкретно особенностями интеллекта (в том числе эмоционального интеллекта) связаны риски развития интернет-зависимости и подверженности киберпреследованиям. В рамках настоящего исследования предпринята попытка найти ответы на поставленные вопросы.

Основываясь на результатах исследований А.А. Бочавер [2], А.А. Вихмана [4, 5], Е.Н. Волковой [6, 7], Г.У. Солдатовой [21, 23, 26], L. Chen [28], R.M. Kowalski [30], T. Noorden [31], можно выдвинуть следующие гипотезы:

1. Чем выше общий уровень интеллекта, тем ниже склонность к интернет-зависимости и проявлению киберагрессии.
2. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта предполагает меньшую степень зависимости от Интернета, но в большей степени связан с подверженностью кибербуллингу (кибервиктимностью).
3. Существуют значимые различия в уровне выраженности показателей интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности у подростков в зависимости от их уровня интеллекта: подростки с высоким интеллектом в меньшей степени проявляют склонность к проблемному использованию интернета, чем подростки с низким уровнем интеллекта.

Материалы и методы

Исследование выполнено в рамках государственного задания №07-00080-21-02 от 18.08.2021 г., номер реестровой записи №730000Ф.99.1.

Выборку составили 105 подростков, участников летнего лагеря «Новое поколение» (г. Пермь), в возрасте от 13 до 17 лет. Выборка не была уравновешена по гендерному составу: 73 девочки и 32 мальчика. Средний возраст участников исследования – 14,8 лет ($SD=1,22$).

Исследование проводилось в два дня, несколькими психодиагностами в небольших группах на территории детского лагеря. Диагностика осуществлялась с помощью индивидуальных тестовых тетрадей формата А4, часть заданий требовала контроля времени выполнения. Тестовая батарея включала в себя следующие психодиагностические методики:

- 1) тест структуры интеллекта IST Р. Амтхауэра;
- 2) методика «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена;
- 3) шкала интернет-зависимости Чена CIAS;
- 4) тест эмоционального интеллекта EQ Н. Холла;

5) русскоязычный аналог анкеты С. Хиндуджа и Д. Патчина «Cyberbullying and Online Aggression Survey» [32], состоящий из 38 вопросов, направленных на выявление опыта встреч респондентов с эпизодами кибербуллинга в роли свидетеля, жертвы и агрессора.

Математико-статистическая обработка данных: по каждой из исследуемых шкал вычислялась описательная статистика и производилась процедура проверки на нормальность распределения (критерий Шапиро-Уилка). Для выявления значимых корреляций был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, для анализа достоверных различий – U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования

Для выявления взаимосвязей между когнитивными характеристиками и особенностями проявлений киберзависимости и киберагрессии был использован корреляционный анализ по Спирмену (в связи с тем, что распределение данных по большинству исследуемых показателей не соответствует нормальному). Результаты применения корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Анализ взаимосвязей особенностей интеллекта с показателями интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности

Исследуемые показатели	COM	Wit	Tol	ИН	ТМ	КСИЗ	ПИЗ	Общий балл CIAS	КВ	КА
A	-0,06	-0,05	-0,09	0,03	0,02	-0,08	0,03	-0,03	0,07	-0,15
B	-0,08	-0,06	-0,02	0,01	0,02	-0,07	0,01	-0,03	-0,07	-0,1
C	-0,28*	-0,2	-0,17	-0,17	-0,07	-0,26*	-0,14	-0,23*	-0,09	-0,22*
D	-0,16	-0,17	-0,15	-0,13	-0,08	-0,19	-0,12	-0,18	-0,11	-0,21*
E	-0,16	-0,09	-0,06	-0,05	-0,03	-0,12	-0,04	-0,1	-0,07	-0,15
IQ (Равен)	-0,22*	-0,17	-0,14	-0,11	-0,05	-0,21*	-0,1	-0,17	-0,1	-0,23*
Субтест 1	-0,08	-0,02	0,00	0,01	0,06	-0,04	0,04	-0,01	-0,05	-0,17
Субтест 2	-0,13	-0,04	-0,13	0,08	-0,02	-0,12	0,04	-0,05	0,02	-0,07
Субтест 6	-0,07	-0,12	-0,13	0,04	-0,08	-0,13	-0,01	-0,08	0,19	0,09
CRT Автоматический ответ	0,08	0,11	0,06	0,16	0,12	0,11	0,16	0,14	0,11	0,10
CRT Правильный ответ	-0,17	-0,11	-0,12	-0,15	-0,03	-0,16	-0,11	-0,15	-0,01	-0,12
Эмоциональная осведомленность	-0,19	-0,11	-0,16	-0,23*	-0,14	-0,18	-0,22*	-0,22*	-0,42***	-0,39***
Управление своими эмоциями	-0,32**	-0,3**	-0,44***	-0,29**	-0,26*	-0,42***	-0,31	-0,4	-0,2	-0,12
Самомотивация	-0,4***	-0,27*	-0,4***	-0,44***	-0,33**	-0,42***	-0,43***	-0,47***	-0,37***	-0,21*
Эмпатия	-0,16	-0,04	-0,29**	-0,24*	-0,1	-0,19	-0,2	-0,21*	-0,25*	-0,22*
Распознавание эмоций других людей	-0,22*	-0,08	-0,37***	-0,25*	-0,13	-0,25*	-0,22*	-0,26*	-0,25**	-0,2
Общий уровень ЭМИНТ	-0,32**	-0,2	-0,42***	-0,36***	-0,24*	-0,37***	-0,34**	-0,39***	-0,37***	-0,28**
Поиск аргументов	-0,17	-0,08	-0,13	-0,13	-0,12	-0,15	-0,14	-0,16	-0,12	-0,25*
Анализ аргументов	-0,13	-0,03	-0,13	0,01	0,04	-0,11	0,03	-0,05	-0,04	-0,24*
Альтернативы	-0,01	-0,04	-0,07	0,06	-0,03	-0,04	0,02	-0,01	0,12	-0,04
Формулировка вывода	0,02	0,03	0,03	0	0,06	0,03	0,02	0,03	0,02	-0,2
Интуитивная способность	0,05	0,06	0,07	0,06	0,07	0,07	0,07	0,08	0,07	0,08
Использование интуиции	0,13	0,06	-0,03	0,13	0,09	0,07	0,13	0,10	0,05	0,04

Условные обозначения шкал:

COM – компульсивные симптомы

Wit – синдром отмены

Tol – симптомы толерантности

ИН – внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем

ТМ – проблемы с управлением временем

КСИЗ – ключевые симптомы интернет-зависимости

ПИЗ – проблемы, связанные с интернет-зависимостью

КВ – кибервиктимность

КА – киберагрессия

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

Table 1 – Analysis of the relationship between intelligence features and indicators of Internet addiction, cyber aggression and cyber victimization

Studied indicators	COM	Wit	Tol	IH	TM	MSIA	IAP	Total score CIAS	CV	CA
A	-0,06	-0,05	-0,09	0.03	0.02	-0,08	0.03	-0,03	0.07	-0,15
B	-0,08	-0,06	-0,02	0.01	0.02	-0,07	0.01	-0,03	-0,07	-0,1
C	-0,28*	-0,2	-0,17	-0,17	-0,07	-0,26*	-0,14	-0,23*	-0,09	-0,22*
D	-0,16	-0,17	-0,15	-0,13	-0,08	-0,19	-0,12	-0,18	-0,11	-0,21*
E	-0,16	-0,09	-0,06	-0,05	-0,03	-0,12	-0,04	-0,1	-0,07	-0,15
IQ (Raven)	-0,22*	-0,17	-0,14	-0,11	-0,05	-0,21*	-0,1	-0,17	-0,1	-0,23*
Subtest 1	-0,08	-0,02	0.00	0.01	0.06	-0,04	0.04	-0,01	-0,05	-0,17
Subtest 2	-0,13	-0,04	-0,13	0.08	-0,02	-0,12	0.04	-0,05	0.02	-0,07
Subtest 6	-0,07	-0,12	-0,13	0.04	-0,08	-0,13	-0,01	-0,08	0.19	0.09
CRT Automatic answer	0.08	0.11	0.06	0.16	0.12	0.11	0.16	0.14	0.11	0.10
CRT Right answer	-0,17	-0,11	-0,12	-0,15	-0,03	-0,16	-0,11	-0,15	-0,01	-0,12
Emotional awareness	-0,19	-0,11	-0,16	-0,23*	-0,14	-0,18	-0,22*	-0,22*	-0,42***	-0,39***
Manage own emotions	-0,32**	-0,3**	-0,44***	-0,29**	-0,26*	-0,42***	-0,31	-0,4	-0,2	-0,12
Self-motivation	-0,4***	-0,27*	-0,4***	-0,44***	-0,33**	-0,42***	-0,43***	-0,47***	-0,37***	-0,21*
Empathy	-0,16	-0,04	-0,29**	-0,24*	-0,1	-0,19	-0,2	-0,21*	-0,25*	-0,22*
Recognizing other people's emotions	-0,22*	-0,08	-0,37***	-0,25*	-0,13	-0,25*	-0,22*	-0,26*	-0,25**	-0,2
General level of emotional intelligence	-0,32**	-0,2	-0,42***	-0,36***	-0,24*	-0,37***	-0,34**	-0,39***	-0,37***	-0,28**
Finding arguments	-0,17	-0,08	-0,13	-0,13	-0,12	-0,15	-0,14	-0,16	-0,12	-0,25*
Analysis of arguments	-0,13	-0,03	-0,13	0.01	0.04	-0,11	0.03	-0,05	-0,04	-0,24*
Alternatives	-0,01	-0,04	-0,07	0.06	-0,03	-0,04	0.02	-0,01	0.12	-0,04
Formulation of the conclusion	0.02	0.03	0.03	0	0.06	0.03	0.02	0.03	0.02	-0,2
Intuitive ability	0.05	0.06	0.07	0.06	0.07	0.07	0.07	0.08	0.07	0.08
Using intuition	0.13	0.06	-0,03	0.13	0.09	0.07	0.13	0.10	0.05	0.04

Scale symbols:

COM – Compulsive symptoms

Wit – Withdrawal syndrome

Tol – Tolerance symptoms

IH – Intrapersonal and health problems

TM – Time management problems

MSIA – Main symptoms of Internet addiction

IAP – Internet addiction problems

CV – Cybervictimity

CA - Cyberaggression

Note: *** p<0,001; ** p<0,01; * p<0,05.

Уже при первом взгляде на таблицу корреляций обращает на себя внимание тот факт, что положительные корреляции исследуемых когнитивных характеристик с показателями интернет-зависимости, кибервиктимности и киберагрессии отсутствуют. Это свидетельствует в пользу наших общих предположений о том, что проблемное использование Интернета связано с низким уровнем выраженности когнитивных характеристик (а вполне возможно, является причиной снижения когнитивных способностей).

При более детальном анализе можно отметить следующие значимые корреляции между отдельными исследуемыми показателями. Общий уровень IQ, по Д. Равену, отрицательно коррелирует с показателем интернет-зависимости «Компульсивные симптомы» ($r=-0,22$), а также с показателями «Ключевые симптомы интернет-зависимости» ($r=-0,21$) и «Киберагрессия» ($r=-0,23$).

Выявлены значимые корреляции ряда показателей эмоционального интеллекта с показателями интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности. Так, показатель «Эмоциональная осведомленность» отрицательно коррелирует с показателями интернет-зависимости: «Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем» ($r=-0,23$), «Проблемы, связанные с интернет-зависимостью» ($r=-0,22$), «Общий балл по шкале CIAS» ($r=-0,22$). Также наблюдается еще более ярко выраженная отрицательная корреляция указанного показателя с кибервиктимностью ($r=-0,42$) и киберагрессией ($r=-0,39$).

Наибольшую связь с интернет-зависимостью, киберагрессией и кибервиктимностью обнаруживают два показателя эмоционального интеллекта: «Управление своими эмоциями» и «Самомотивация». Показатель «Управление своими эмоциями» отрицательно коррелирует со всеми параметрами интернет-зависимости по методике CIAS и общим показателем зависимости («Общий балл CIAS»). Выявлены значимые отрицательные корреляции показателя «Самомотивация» со всеми исследуемыми показателями интернет-зависимости по методике CIAS, показателями киберагрессии и кибервиктимности.

Эмпатия как одна из составляющих эмоционального интеллекта связана с показателями «Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем» ($r=-0,24$), «Симптомы толерантности» ($r=-0,29$), «Общий балл CIAS» ($r=-0,21$) и с показателями киберагрессии ($r=-0,22$) и кибервиктимности ($r=-0,25$).

Шкала методики Холла «Распознавание эмоций других людей» коррелирует с показателями интернет-зависимости: «Компульсивные симптомы» ($r=-0,22$), «Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем» ($r=-0,25$) и «Симптомы толерантности» ($r=-0,37$), суммарным показателем ключевых симптомов интернет-зависимости ($r=-0,25$), с общим показателем интернет-зависимости ($r=-0,26$) и кибервиктимностью ($r=-0,25$).

Общий показатель эмоционального интеллекта отрицательно коррелирует практически со всеми показателями компьютерной зависимости, киберагрессии и кибервиктимности, за исключением шкалы «Синдром отмены» ($r=-0,2$), что не является значимой корреляцией при уровне значимости $p>0,05$.

Следует отметить, что показатель «Киберагрессия» дополнительно обнаруживает связи с показателями «Поиск аргументов» ($r=-0,25$) и «Анализ аргументов» ($r=-0,24$).

Установлено, что шкалы С и D методики Д. Равена имеют связь с показателями интернет-зависимости и киберагрессии. Наибольшее число таких связей характерно для шкалы С. Уровень шкалы С, по Д. Равену, отрицательно коррелирует с общим показателем интернет-зависимости ($r=-0,23$), а также с шкалой «Компульсивные симптомы»

($r=-0,28$) и показателем киберагрессии ($r=-0,22$). Шкала D коррелирует только с показателем киберагрессии ($r=-0,23$).

Особенностью заданий серии С в методике Д. Равена является то, что они построены по принципу прогрессивных изменений в фигурах матриц. Фигуры в пределах одной матрицы все больше усложняются, причем обогащение фигур новыми элементами подчиняется четкому принципу. Обнаружив этот принцип, испытуемый может подобрать недостающую фигуру. В этом проявляется способность к динамической (быстрой) наблюдательности и прослеживанию непрерывных изменений, динамическая внимательность и воображение. Серия D построена по принципу перегруппировки фигур в матрице. Успешность решения заданий серии зависит от способности обследуемого выявлять количественные и качественные закономерности построения как матрицы в целом, так и ее отдельных столбцов и строк [16].

Таким образом, чем выше уровень интернет-зависимости подростка, тем в меньшей степени проявляется его наблюдательность, способность к упорядочиванию элементов, логичность и последовательность умозаключений, а также продуктивность воображения.

В целом по результатам применения методик Д. Равена и Р. Амтхауэра для изучения интеллектуальных особенностей подростков можно сказать, что лиц с низким уровнем интеллекта выявлено не было. Для всех испытуемых характерен уровень интеллекта выше среднего или средний. При этом представляет большой интерес вопрос об особенностях выраженности показателей интернет-зависимости, кибервиктимности и киберагрессии подростков, различающихся по уровню интеллекта.

С целью подтверждения третьей гипотезы мы разделили выборку на 2 части в зависимости от уровня интеллекта: «группа 1» – подростки, имеющие средний уровень IQ по нормам прогрессивных матриц Д. Равена (2 степень, 25-74%), «группа 2» – подростки с уровнем IQ выше среднего по нормам прогрессивных матриц Д. Равена (3 степень, 75-95%). Поскольку распределение данных не соответствует нормальному, для выявления значимости различий между данными группами был использован непараметрический критерий Манна-Уитни. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Различия по показателям интернет-зависимости, кибервиктимности и киберагрессии между подростками с разным уровнем интеллекта

Исследуемые показатели	Уровень интеллекта		U	Z	p-level
	Выше среднего	Средний			
СОМ Компulsive симптомы	9.5	10.4	1007.5	-1,77	0.07
Wit (Синдром отмены)	10.3	11.5	1006.5	-1,78	0.07
Tol (Симптомы толерантности)	8.6	9.0	1124.5	-0,98	0.32
ИН (Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем)	11.9	12.4	1168.0	-0,68	0.49
ТМ (проблемы с управлением временем)	9.8	10.0	1170.5	-0,66	0.50
КСИЗ (ключевые симптомы интернет-зависимости)	28.4	30.9	986.0	-1,91	0.05
ПИЗ (проблемы, связанные с интернет-зависимостью)	21.7	22.5	1164.5	-0,70	0.48
Общий бал CIAS	50.2	53.4	1050.0	-1,48	0.13
Кибервиктимность	4.9	4.4	1142.5	0,85	0.39
Киберагрессия	2.4	3.5	1059.0	-1,42	0.15

Table 2 – Differences in indicators of Internet addiction, cybervictimism and cyberaggression between adolescents with different levels of intelligence

Studied indicators	Intelligence level		U	Z	p-level
	Above average	Average			
COM (Compulsive symptoms)	9.5	10.4	1007.5	-1,77	0.07
Wit (Withdrawal syndrome)	10.3	11.5	1006.5	-1,78	0.07
Tol (Tolerance symptoms)	8.6	9.0	1124.5	-0,98	0.32
IH (Intrapersonal and health problems)	11.9	12.4	1168.0	-0,68	0.49
TM (Time management problems)	9.8	10.0	1170.5	-0,66	0.50
MSIA (Main symptoms of Internet addiction)	28.4	30.9	986.0	-1,91	0.05
IAP (Internet addiction problems)	21.7	22.5	1164.5	-0,70	0.48
Total score CIAS	50.2	53.4	1050.0	-1,48	0.13
CV (Cybervictimity)	4.9	4.4	1142.5	0,85	0.39
CA (Cyberaggression)	2.4	3.5	1059.0	-1,42	0.15

В целом, как можно судить по результатам проведенного сравнительного анализа, группы подростков с различным уровнем интеллекта весьма сходны. Значимые различия наблюдаются только по одному показателю – «Ключевые симптомы интернет-зависимости». В группе 1 (подростки со средним уровнем IQ) значения данного параметра выше, чем в группе 2 (испытуемые с уровнем IQ выше среднего).

По остальным показателям значимых различий между двумя группами испытуемых не было выявлено. Гипотеза о различиях в уровне выраженности показателей интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности у подростков в зависимости от их уровня интеллекта подтверждается лишь частично.

Обсуждение и заключения

Проведенный нами корреляционный анализ показал наличие выраженных отрицательных корреляций между показателями проблемного использования Интернета (компьютерная зависимость, кибервиктимность и киберагрессия) и характеристиками когнитивной сферы. Положительных корреляций, как мы уже отмечали ранее, выявлено не было.

Обращает на себя внимание факт наличия отрицательных корреляций общего уровня интернет-зависимости (Общий балл CIAS) с общим уровнем эмоционального интеллекта. В целом эмоциональный интеллект рассматривается Р.Д. Робертсом и Д.В. Люсиным как способность понимать собственные эмоции и чувства и управлять ими, а также понимать эмоциональные состояния окружающих людей [18]. По данным исследований В.С. Густодымовой и Э.С. Мусаэлян, подростки с высоким уровнем интернет-зависимости обнаруживают низкие значения по всем показателям эмоционального интеллекта [10]. Как отмечают авторы, высокий уровень интернет-зависимости сопровождается снижением как общего уровня эмоционального интеллекта, так и всех его компонентов. Таким образом, подростки, которые склонны к проблемному использованию Интернета, чаще затрудняются в оценке эмоций и чувств других людей, а также и своих собственных. Вполне возможно, это обусловлено тем, что общение подростков в Интернете предполагает в основном текстовый формат, который ограничивает возможности обмена эмоциями и зачастую делает эмоциональное общение крайне упрощенным (эмоции передаются не словами, а только в виде значков, «смайликов» и т.п.).

Соответственно, можно полагать, что у подростков с признаками компьютерной зависимости возникают затруднения и в выражении собственных эмоций и чувств. Особенно это характерно для детей, увлеченных компьютерными играми и испытывающим зависимость от них, что подтверждается в исследовании Е.А. Трухан и Н.С. Рыжковского [24]. На это указывает и выявленная нами значимая отрицательная корреляция показателя «Эмпатия» с таким показателем интернет-зависимости, как внутриличностные проблемы. Закономерно, что человеку со сниженной чувствительностью к своим эмоциям трудно их осознать и еще труднее – вербализовать. Более того, по мнению В.Л. Малыгина, Н.С. Хомерики и А.А. Антоненко, способность идентифицировать эмоции является основой, базовым фактором эмоционального интеллекта. Нарушение этой способности у интернет-зависимых подростков «подрывает» всю структуру эмоционального интеллекта, что приводит к проблемам в формировании навыков управления эмоциями, к общему снижению эмоциональной компетентности и эмпатии [14].

Говоря об эмоциональной осведомленности, необходимо отметить, что по результатам нашего исследования данный показатель отрицательно коррелирует с показателями киберагрессии и кибервиктимности. Это подтверждается данными исследований А.С. Родионовой, в которых было показано также наличие отрицательных взаимосвязей интернет-зависимости с такими характеристиками эмоционального интеллекта, как эмпатия и самомотивация [19]. Одной из основных причин любой формы зависимости является поверхностность эмоциональных привязанностей. Человеку с более низким эмоциональным интеллектом сложнее создавать близкие отношения вследствие сниженной эмпатии и слабого понимания своих и чужих переживаний. В то же время проявлять агрессию по отношению к другим людям в ходе общения в Сети трудности не представляет, поскольку «порог чувствительности» к чужим эмоциям у человека со сниженным эмоциональным интеллектом существенно повышен.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что наибольшее число отрицательных корреляций с показателями интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности имеет самомотивация. В качестве компонента эмоционального интеллекта, самомотивация понимается как способность к управлению своими эмоциональными состояниями. В указанном выше исследовании А.С. Родионовой также отмечается, что сниженный уровень самомотивации в поведении зависимого человека проявляется в дефиците волевых качеств, а именно в неспособности бороться со своим непреодолимым желанием находиться как можно больше времени в Интернете [19]. Возможно, именно самомотивация как способность управлять своими эмоциями и проявлять волевые качества играет ключевую роль и в преодолении интернет-зависимости, и в противодействии агрессии в сети Интернет. Для подтверждения этого необходимы дальнейшие углубленные исследования.

Отрицательная корреляция показателя «Киберагрессия» с показателями «Поиск аргументов» и «Анализ аргументов», на наш взгляд, является очевидной. В работах, посвященных проблеме личностных особенностей участников буллинга, отмечается, что для инициатора буллинга характерно снижение критического мышления, слабая способность предвидеть последствия своих слов и действий [5].

Выявленные различия в выраженности показателя «Ключевые симптомы интернет-зависимости» у подростков с различным уровнем IQ свидетельствуют о том, что подростки со средним уровнем интеллекта характеризуются большей склонностью к навязчивому использованию Интернета, не всегда контролируют время своей онлайн-активности и чаще испытывают эмоциональный дискомфорт при невозможности выхода в сеть. В целом такое

сочетание говорит о состоянии дистресса, которое испытывают пользователи Интернета [12]. Таким образом, можно полагать, что высокий уровень интеллекта некоторым образом защищает человека от «попадания в ловушку» компьютерной зависимости. Однако для более достоверного подтверждения этих данных необходимо дополнить выборку группой подростков со сниженным уровнем IQ, чтобы создать более полную картину различий в особенностях формирования интернет-зависимости у лиц с разным уровнем интеллекта.

В целом результаты проведенного нами исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Все корреляционные связи, выявленные нами между особенностями общего и эмоционального интеллекта подростков и показателями проблемного использования Интернета (интернет-зависимость, киберагрессия, кибервиктимность), являются отрицательными. Соответственно, это может свидетельствовать о том, что в целом любые проявления проблемного использования Интернета связаны с низким уровнем выраженности когнитивных характеристик подростков.

2. Подростки, имеющие уровень общего интеллекта (по Д. Равену) выше среднего, проявляют меньшую выраженность симптомов интернет-зависимости, чем испытуемые со средним уровнем интеллекта.

3. Чем более выражены симптомы интернет-зависимости у подростков, тем в меньшей степени проявляются их когнитивные характеристики, такие как: наблюдательность, способность к упорядочиванию элементов, логичность и последовательность умозаключений, а также продуктивность воображения.

4. Общий показатель эмоционального интеллекта, а также большинство параметров эмоционального интеллекта, отрицательно коррелируют практически со всеми показателями компьютерной зависимости, киберагрессии и кибервиктимности. Таким образом, можно полагать, что сниженный эмоциональный интеллект является предпосылкой формирования симптомов интернет-зависимости, а также свидетельствует о подверженности киберагрессии и готовности проявлять агрессию в Сети по отношению к другим лицам.

5. Наиболее ярко выраженную отрицательную взаимосвязь с показателями интернет-зависимости, киберагрессии и кибервиктимности обнаруживает показатель самомотивации как компонент эмоционального интеллекта, по Н. Холлу. Возможно, самомотивация как некий волевой аспект эмоционального интеллекта играет наиболее важную роль в борьбе с интернет-зависимостью и в противодействии киберагрессии.

6. Чем более явно у подростков выражены признаки интернет-зависимости, тем сложнее им проявлять эмпатию, анализировать свои эмоциональные состояния, эмоции и чувства других людей. На это указывает наличие отрицательной корреляции показателей «Эмпатия» и «Эмоциональная осведомленность» с показателями интернет-зависимости.

Подводя итог выполненной работе, можно отметить, что в целом сформулированные нами гипотезы получили свое эмпирическое подтверждение, хотя и не в полной мере. Установлено, что сниженные показатели эмоционального интеллекта способны создавать благоприятную «почву» для развития интернет-аддикций у подростков. Таким образом, проблемы цифровой социализации и повышения цифровой компетентности детей и подростков нельзя рассматривать в отрыве от когнитивного развития, прежде всего формирования эмоционального интеллекта. Это позволяет говорить, что работа с детьми, направленная на развитие эмоционального интеллекта, может в значительной степени служить целям профилактики компьютерной зависимости.

Полученные результаты могут быть использованы в современной психолого-

педагогической практике, в том числе в целях разработки практических и учебно-методических пособий для педагогов и психологов системы образования, включающих в себя практические рекомендации по диагностике и профилактике компьютерной зависимости и кибербуллинга среди обучающихся. Рекомендуется включить в практику специалистов, работающих с детьми, мероприятия, направленные на развитие критического мышления и эмоционального интеллекта у детей и подростков в качестве профилактики проблемного использования Интернета. При этом возрастает актуальность подготовки специалистов, владеющих как информационными технологиями, так и знаниями о психологических особенностях современных детей и подростков [13]. Это выдвигает на первый план вопрос о развитии у педагогов и психологов новых компетенций, позволяющих эффективно формировать цифровую компетентность у детей и подростков.

Список использованных источников

1. Благополучие детей в цифровую эпоху: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апреля 2019 г. / А.А. Бочавер, С.В. Докука, М.А. Новикова и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 34 с.
2. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8, №3. С. 1-18.
3. Вихман А.А., Волкова Е.Н., Скитневская Л.В. Традиционные и цифровые возможности профилактики кибербуллинга // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №4. С. 10.
4. Вихман А.А. Связь интернет-зависимости, интеллекта и критического мышления на выборке студентов // Социальные и гуманитарные науки. 2020. №1(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-internet-zavisimosti-intellekta-i-kriticheskogo-myshleniya-na-vyborke-studentov> (дата обращения: 20.01.2022).
5. Вихман А.А. Связь кибервиктимности и критического мышления старших подростков и юношей в зависимости от их типичной роли в ситуации кибербуллинга // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-kiberviktimnosti-i-kriticheskogo-myshleniya-starshih-podrostkov-i-yunoshey-v-zavisimosti-ot-ih-tipichnoy- roli-v-situatsii> (дата обращения: 22.01.2022).
6. Волкова Е.Н. Подростковый буллинг: направления профилактической работы и организация помощи // Вестник практической психологии образования. 2019. Том 16, №3. С. 50-57. DOI: 10.17759/bppe.2019160301.
7. Волкова Е.Н., Гришина А.В. Исследование субъектности подростков с разным уровнем игровой компьютерной зависимости // Психологический журнал. 2015. Т. 36, №2. С. 20-31.
8. Волкова И.В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Мининского университета. 2016. №2(15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-podrostkovogo-bullinga-i-ego-opredelenie> (дата обращения: 25.01.2022).
9. Выготский Л.С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Педология подростка: Проблема возраста / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 224-269.
10. Густодымова В.С., Мусаэлян Э.С. Особенности эмоционального интеллекта подростков, склонных к Интернет-зависимости // Гуманитарные науки. 2018. №4(44).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-podrostkov-sklonnyh-k-internet-zavisimosti> (дата обращения: 16.01.2022).

11. Казаринова Е.Ю., Холмогорова А.Б. Предпочитаемый контент в интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13, №2. С. 123-139.
12. Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков // Суицидология. 2020. Том 11, №1. С. 117-129. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129.
13. Крамаренко Н.С. Социокультурная среда цифровой эпохи: от психологических рисков к возможностям развития личности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. №4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1051/1048> (дата обращения: 26.12.2021).
14. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России. 2015. №1(30).
15. Михайлова О.Р. Когда оскорбление воспринимается как шутка? Персональные и ситуативные факторы отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. №22(2). С.55-92. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.3>.
16. Прогрессивные матрицы Равена: методические рекомендации /сост. и общая редакция О.Е. Мухордовой, Т.В. Шрейбер. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 70 с.
17. Реан А.А., Новикова М.А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. 2019. №2. С. 78-97.
18. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-problemy-teorii-izmereniya-i-primeneniya-na-praktike> (дата обращения: 18.01.2022).
19. Родионова А.С. Исследование особенностей эмоционального интеллекта лиц, имеющих интернет-аддикцию // Перспективы науки и образования. 2013. №6. С. 128-140.
20. Солдатова Г.У., Львова Е.Н. Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рисками // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, №3. С. 29-41. DOI: 10.17759/pse.2018230303.
21. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. №3(15). С. 39-51. DOI: 10.11621/npj.2014.0305.
22. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, №3. С. 71-80.
23. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. №2(38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberagressii-opyt-podrostkov-i-molodezhi> (дата обращения: 21.01.2022).
24. Трухан Е.А., Рыжковский Н.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и увлеченности компьютерными играми у подростков // ОмГУ. 2019. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-uvlechennosti-kompyuternymi-igrami-u-podrostkov> (дата обращения: 16.01.2022).

25. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Том 9, №2. С. 276-295.
26. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
27. Bronfenbrenner U., Evans G.W. Developmental science in the 21st century: Emerging questions, theoretical models, research designs and empirical findings // Social Development. 2000. Vol. 9(1). Pp.115-125. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00114>.
28. Chen L., Ho S.S., Lwin M.O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach // New Media & Society. 2017. Vol. 19. Pp. 1194-1213. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816634037>.
29. Johnson G., Puplampu P. Internet use during childhood and the ecological techno-subsystem // Canadian Journal of Learning and Technology / La revue canadienne de l'apprentissage et de la technologie. 2008. Vol. 34(1). DOI: <https://doi.org/10.21432/T2CP4T>.
30. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140, no. 4. Pp. 1073-1139. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035618>.
31. Noorden T., Haselager G., Cillessen A., Bukowski W. Empathy and Involvement in Bullying in Children and Adolescents: A Systematic Review // Journal of Youth and Adolescence. 2015. Vol. 44(3). Pp. 637-657.
32. Patchin J.W., Hinduja S. Traditional and nontraditional bullying among youth: A test of general strain theory // Youth & Society. 2011. Vol. 43. Pp. 727-751.

References

1. The well-being of children in the digital age: report for the XX April International Scientific Conference on the Development of the Economy and Society, Moscow, April 9-12, 2019 / A.A. Bochaver, S.V. Dokuka, M.A. Novikova and others; NRU "Higher School of Economics". Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2019. 34 p. (In Russ.)
2. Bochaver A.A., Dokuka S.V., Sivak E.V., Smirnov I.B. The use of social networks on the Internet and depressive symptoms in adolescents. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 1-18. (In Russ.)
3. Vihman A.A., Volkova E.N., Skitnevskaya L.V. Traditional and digital opportunities for cyberbullying prevention. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2021, vol. 9, no. 4, p. 10. (In Russ.)
4. Vihman A.A. Relationship between Internet addiction, intelligence and critical thinking in a sample of students. *Social'nye i gumanitarnye nauki*, 2020, no. 1(4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-internet-zavisimosti-intellekta-i-kriticheskogo-myshleniya-na-vyborke-studentov> (accessed: 20.01.2022). (In Russ.)
5. Vihman A.A. The connection between cybervictimism and critical thinking of older adolescents and young men depending on their typical role in a situation of cyberbullying. *Differencial'naya psihologiya i psihofiziologiya segodnya: sposobnosti, obrazovanie, professionalism*, 2021, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz->

- kiberviktivosti-i-kriticheskogo-myshleniya-starshih-podrostkov-i-yunoshey-v-zavisimosti-ot-ih-tipichnoy-rol-i-v-situatsii (accessed: 22.01.2022). (In Russ.)
6. Volkova E.N. Adolescent bullying: directions of preventive work and organization of assistance. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 50-57, doi: 10.17759/bppe.2019160301. (In Russ.)
 7. Volkova E.N., Grishina A.V. A study of the subjectivity of adolescents with different levels of gaming computer addiction. *Psihologicheskij zhurnal*, 2015, vol. 36, no. 2, pp. 20-31. (In Russ.)
 8. Volkova I.V. Characteristics of teenage bullying and its definition. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2016, no. 2(15). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-podrostkovogo-bullinga-i-ego-opredelenie> (accessed: 25.01.2022). (In Russ.)
 9. Vygotskij L.S. Complete works: in 6 volumes. Vol. 4: Pedology of a teenager: The problem of age / ed. M.G. Yaroshevsky. Moscow, Pedagogika Publ., 1984. Pp. 224-269. (In Russ.)
 10. Gustodymova V.S., Musaelyan E.S. Features of the emotional intelligence of adolescents prone to Internet addiction. *Gumanitarnye nauki*, 2018, no. 4(44). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-podrostkov-sklonnyh-k-internet-zavisimosti> (accessed: 16.01.2022). (In Russ.)
 11. Kazarinova E.YU., Holmogorova A.B. Preferred content on the Internet and social anxiety as factors of Internet addiction in adolescents and students. *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 123-139. (In Russ.)
 12. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Kuznecova A.A. Cyberbullying and suicidal behavior in adolescents. *Suicidologiya*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 117-129, doi: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129. (In Russ.)
 13. Kramarenko N.S. Socio-cultural environment of the digital era: from psychological risks to opportunities for personal development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)*, 2016, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1051/1048> (accessed: 26.12.2021). (In Russ.)
 14. Malygin V.L., Homeriki N.S., Antonenko A.A. Individual psychological properties of adolescents as factors in the formation of Internet-addicted behavior. *Medicinskaya psikhologiya v Rossii*, 2015, no. 1(30). (In Russ.)
 15. Mihajlova O.R. When is an insult taken as a joke? Personal and situational factors of disabling the moral responsibility of a cyberbullying witness. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2019, no. 22(2), pp. 55-92, doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.3>. (In Russ.)
 16. Raven's progressive matrices: guidelines / comp. and general edition by O.E. Mukhordova, T.V. Schreiber. Izhevsk, Udmurtskij universitet Publ., 2011. 70 p. (In Russ.)
 17. Rean A.A., Novikova M.A. Influence of the school climate on the occurrence of bullying: domestic and foreign research experience. *Voprosy obrazovaniya*, 2019, no. 2, pp. 78-97. (In Russ.)
 18. Roberts R.D., Mett'yus Dzh., Zajdner M., Lyusin D.V. Emotional intelligence: problems of theory, measurement and application in practice. *Psihologiya. ZHurnal VSHE*, 2004, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-problemy-teorii-izmereniya-i-primeneniya-na-praktike> (accessed: 18.01.2022). (In Russ.)
 19. Rodionova A.S. Study of the features of the emotional intelligence of individuals with Internet addiction. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 6, pp. 128-140. (In Russ.)

20. Soldatova G.U., L'vova E.N. Peculiarities of parental mediation in situations where teenagers face online risks. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2018, vol. 23, no. 3, pp. 29-41, doi: 10.17759/pse.2018230303. (In Russ.)
21. Coldatova G.U., Rasskazova E.I. Safety of teenagers on the Internet: risks, co-ownership and parental mediation. *Nacional'nyj psichologicheskij zhurnal*, 2014, no. 3(15), pp. 39-51, doi: 10.11621/npj.2014.0305. (In Russ.)
22. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social'naya psichologiya i obshchestvo*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 71-80. (In Russ.)
23. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., CHigar'kova S.V. Types of cyberaggression: experience of adolescents and youth. *Nacional'nyj psichologicheskij zhurnal*, 2020, no. 2(38). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberagressii-opyt-podrostkov-i-molodezhi> (accessed: 21.01.2022). (In Russ.)
24. Truhan E.A., Ryzhkovskij N.S. The relationship of emotional intelligence and enthusiasm for computer games in adolescents. *OmGU*, 2019, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-uvlechennosti-kompyuternymi-igrami-u-podrostkov> (accessed: 16.01.2022). (In Russ.)
25. Hlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Cyberbullying in the experience of Russian teenagers. *Psichologiya i parvo*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 276-295. (In Russ.)
26. Digital competence of adolescents and parents. Results of the all-Russian study / G.U. Soldatova, T.A. Nestik, E.I. Rasskazova, E.Yu. Zotov. Moscow, Fond Razvitiya Internet Publ., 2013. 144 p. (In Russ.)
27. Bronfenbrenner U., Evans G.W. Developmental science in the 21st century: Emerging questions, theoretical models, research designs and empirical findings. *Social Development*, 2000, vol. 9(1), pp.115-125, doi: <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00114>.
28. Chen L., Ho S.S., Lwin M.O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach. *New Media & Society*, 2017, vol. 19, pp. 1194-1213, doi: <https://doi.org/10.1177/1461444816634037>.
29. Johnson G., Puplampu P. Internet use during childhood and the ecological techno-subsystem. *Canadian Journal of Learning and Technology / La revue canadienne de l'apprentissage et de la technologie*, 2008, vol. 34(1), doi: <https://doi.org/10.21432/T2CP4T>.
30. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 2014, vol. 140, no. 4, pp. 1073-1139, doi: <https://doi.org/10.1037/a0035618>.
31. Noorden T., Haselager G., Cillessen A., Bukowski W. Empathy and Involvement in Bullying in Children and Adolescents: A Systematic Review. *Journal of Youth and Adolescence*, 2015, vol. 44(3), pp. 637-657.
32. Patchin J.W., Hinduja S. Traditional and nontraditional bullying among youth: A test of general strain theory. *Youth & Society*, 2011, vol. 43, pp. 727-751.

© Скорынин А.А., Вихман А.А., 2022

Информация об авторах

Скорынин Андрей Александрович – старший преподаватель кафедры практической психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,

General psychology, personality psychology, history of psychology

Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0473-6870, e-mail: skorinin@rambler.ru.

Вихман Александр Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-5483-1702, e-mail: vixmann@mail.ru.

Information about the authors

Skorynin Andrey A. – Senior Lecturer of the Department of Practical Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-0473-6870, e-mail: skorinin@rambler.ru.

Vikhman Alexander A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-5483-1702, e-mail: vixmann@mail.ru.

Вклад соавторов

Скорынин Андрей Александрович – подготовка обзора литературы; анализ эмпирических данных; подготовка начального варианта текста.

Вихман Александр Александрович – научное руководство; проведение эмпирического исследования; критический анализ и доработка текста; развитие методологии.

Contribution of authors

Skorynin Andrey A. – preparing a literature review, empirical data analysis, preparation of the initial version of the text; text revision.

Vikhman Alexander A. – scientific leadership; conducting empirical research; critical analysis and revision of the text; methodology development.

Поступила в редакцию: 26.01.2022

Принята к публикации: 23.08.2022

Опубликована: 26.09.2022